

Те двое парней не осмелились поддерживать Хао Ин и честно рассказали всё. Однако в их версии событий Хао Ин действовала не специально.

Учительница У сказала:

— Чэнь Минхуэй, теперь всё ясно. Видишь, Хао Ин действительно не специально.

Чэнь Минхуэй усмехнулся:

— Учительница У, я с самого начала не спрашивал, было ли это специально. Я спрашивал, является ли она полностью ответственной за то, что опрокинула мою еду.

Учительница У замерла.

— Теперь вы всё слышали. Это произошло без нашего участия. Мы просто сидели, а она сама опрокинула нашу еду. Вся ответственность лежит на ней. Поэтому теперь я требую компенсации.

Компенсации? Это же мясо, и так много! Как она сможет это возместить? Если она посмеет попросить мать заплатить, та её убьёт!

Хао Ин больше не могла притворяться невинной. Её голос стал резким:

— Помой, и всё будет съедобно! Зачем компенсировать?

— Помой и съешь? Хорошо, тогда забирай домой, мой и ешь. А мне верни то, что должна.

— Твои вещи, как я могу их забрать домой? Мне всё равно, это всё ещё съедобно, я не буду компенсировать! — кричала Хао Ин.

Учительница У слегка нахмурилась, неодобрительно глядя на Хао Ин, но всё же попыталась уговорить Чэнь Минхуэя:

— Чэнь Минхуэй, вы же одноклассники. Это не такая уж большая проблема, давайте просто забудем.

Чэнь Минхуэй вдруг усмехнулся:

— Учительница У, вам легко говорить. Это не большая проблема? Для вас, официального работника, получающего пайковое зерно, это, может, и не проблема. Ведь у вас каждый месяц 24 цзиня зерна, 4 ляна масла, 5 лянов мяса и 7 чи ткани в год. Но, учительница У, вы забыли, что я не получаю пайковое зерно. Более того, я сирота, без родителей и поддержки. Я даже не могу заработать десять трудодней в день. Если бы не помощь местного правительства, я бы уже умер с голоду.

— В таких условиях вы говорите мне, что всё это мясо — не большая проблема? Для меня это огромная проблема. Чтобы съесть это мясо, я продал единственный дом, оставшийся от моего деда.

Теперь учительница У не нашлась, что ответить. Что она могла сказать, заставляя сироту признать, что еда и мясо не важны?

— Даже если так, компенсация не нужна. Это просто упало на пол, подними, помой, и всё будет съедобно, — Хао Ин, поняв, что учительница У больше не на её стороне, решила, что

теперь должна сама за себя постоять, и перестала притворяться хрупкой.

— Это еда из государственной столовой. Ты думаешь, это как твоя домашняя свинина, которая становится вкуснее после мытья? — сказал Чэнь Минхуэй. — Это блюдо стоило пять цзяо, три ляна мясных талонов. А порция риса — шесть фэней, шесть лянов зерновых талонов. Я потратил столько денег и талонов, чтобы купить это в государственной столовой, ради того, чтобы насладиться вкусом. Если бы я хотел просто помыть и съесть, зачем мне было тратить столько? За те же деньги я мог бы купить мясо и приготовить сам, и получил бы гораздо больше.

Хао Ин окончательно потеряла самообладание и закричала:

— Но вы уже съели столько! Я видела, как ты положил Цянь Юю пять или шесть кусков, а сам съел два.

— Ты всё видела, я даже не помню, сколько съел. Хорошо, давай посчитаем половину. Тогда ты должна мне ещё шесть цзяо.

— С чего бы? Это грабёж!

— Не бросайся словами. Еда была куплена мной в государственной столовой, и мы с Цянь Юем потратили шесть цзяо на проезд, чтобы добраться туда на автобусе. Если ты мне компенсируешь, мне придётся снова ехать.

— Ты можешь пойти пешком.

— Я всегда ездил на автобусе, почему теперь из-за твоей ошибки я должен идти пешком? Пешком туда и обратно — пять часов. Кто будет оплачивать износ обуви? Даже если ты заплатишь, я не хочу так уставать. Если не хочешь оплачивать проезд, тогда сама иди в городок, купи и отдай мне половину. У меня нет возражений.

Чэнь Минхуэй повернулся к учительнице У:

— Учительница, мои требования справедливы и разумны, не так ли?

— Да, они справедливы.

Услышав это, Хао Ин поняла, что ей не отвертеться, и начала рыдать.

— Учительница, у меня нет денег и талонов. Если я попрошу мать, она меня убьёт. У-у-у...

Учительница У примерно знала, в каком положении находится семья Хао Ин. Мать Хао Ин действительно не ценила свою дочь.

Учительница У пожалела Хао Ин и попыталась уговорить Чэнь Минхуэя:

— Чэнь Минхуэй, Хао Ин поняла свою ошибку. Давайте просто забудем об этом.

— Учительница У, я вам так скажу: эти деньги и талоны для вас могут быть незначительными, но для меня они равны тысяче юаней. Если вы готовы выбросить тысячу юаней в печь и сказать, что это ничего не значит, тогда и для меня это будет ничего не значит.

Учительница У сразу же возразила:

— Как можно так сравнивать?

— Почему нет? — ответил Чэнь Минхуэй. — Булочка для нищего и булочка для нас — это одно и то же? Мы можем пропустить одну булочку и не умереть, а для нищего одна булочка может спасти жизнь! Я продал дом, чтобы купить еду и выжить. Теперь, когда кто-то портит мою еду, это всё равно что лишает меня жизни.

Учительница У больше не могла найти аргументов. В этой ситуации Чэнь Минхуэй был прав, он не сделал ничего плохого. Хотя требовать компенсацию от одноклассника было слишком сурово, это нельзя было назвать необоснованным.

Учительница У глубоко вздохнула:

— Хао Ин, ты действительно ошиблась. Чэнь Минхуэй требует компенсации, и ты должна её выплатить. Либо полную стоимость, либо половину с оплатой проезда, либо сама сходи в городок и купи ему половину. Выбирай сама.

— Я... я не буду выбирать.

Учительница У уже строго сказала:

— Ты совершила ошибку, и должна нести за неё ответственность. Каждый из нас должен отвечать за свои поступки.

Хао Ин рыдала, но также понимала, что у неё нет выбора.

Учительница У сказала:

— Чэнь Минхуэй, иди на своё место. Завтра Хао Ин принесёт деньги и талоны.

Чэнь Минхуэй ответил:

— Нет, я боюсь, что она не заплатит. Сегодня после школы я пойду к ней домой и потребую.

— Это безобразие! — нахмурилась учительница У. — Как ты, мальчик, можешь идти домой к девочке?

— Учительница, не говорите глупостей. Я не иду к ней домой, а иду за своими деньгами. Разве у меня, как у мальчика, нет права требовать долг? — Чэнь Минхуэй выглядел настоящим хулиганом. — К тому же, после школы на улице будет много учеников, я не пойду с ней. Но если вы беспокоитесь, пойдёмте со мной. Это даже лучше, избавит меня от лишних хлопот.

Учительница У немного подумала и согласилась. Чэнь Минхуэй затем направился к своему месту, бросив взгляд на беспорядок на полу:

— Эй, ты, эта еда тебе ещё нужна? Если нужна, забирай, если нет, я выброшу. Но помни, что ты всё равно должна мне компенсировать.

Хао Ин чуть не задохнулась от слёз, но всё же услышала слова Чэнь Минхуэя. В этот момент она хотела бы оглохнуть.

Хао Ин стиснула губы, желая сказать, что ей ничего не нужно, но знала, что не может. Если она не принесёт домой хоть что-то, но при этом должна будет компенсировать Чэнь Минхуэю столько денег и талонов, мать точно её убьёт.

Дрожа, она встала, игнорируя стыд, подошла к месту Чэнь Минхуэя, присела и, сдерживая дрожь, начала собирать грязную еду.

Восьмидесятые годы были временем, когда страна только начинала оправляться от тяжёлых лет. В те времена люди умирали от голода, не говоря уже о грязной еде. Люди ели корни и кору деревьев, лишь бы выжить.

Сейчас жизнь стала немного лучше, но для большинства семей, таких как семья Хао Ин, жизнь всё ещё была трудной. Перемыть упавшую еду и съесть её было не так уж необычно. Были и те, кто жил в ещё большей нищете.

Хао Ин взяла алюминиевый контейнер, но услышала холодный голос Чэнь Минхуэя:

— Это моя вещь, не трогай. Если испачкаешь, я её не возьму, и ты должна будешь компенсировать.

Хао Ин подняла голову, её глаза горели гневом, лицо исказилось, и она проявила свою истинную сущность:

— Чэнь Минхуэй, ты слишком перегибаешь.

<http://bllate.org/book/16744/1561618>